

Александр Кротов

Как
почувствовать
одиночество

Рассказы, повести
2008-2018

Александр Кротов

Как почувствовать одиночество

«Автор»

2023

Кротов А. М.

Как почувствовать одиночество / А. М. Кротов — «Автор», 2023

Рассказы и повести, оставшиеся без должного внимания автора на протяжении целого десятилетия (2008—2018). Но этой осенью пришло время достать старые записи из нижнего ящика письменного стола и погрузиться в атмосферу мрачности, в которой вечная душа пытается найти себе неиссякаемый источник тепла. Но её ждут только разочарования от слишком завышенных ожиданий. Несколько небольших историй о том, как что-то живое чувствует себя мёртвым в окружении своей личной пустоты. Всё случайно и вымышлено.

© Кротов А. М., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Белая...	6
Молчание	21
Привязанность	31
Готовность к себе	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Александр Кротов

Как почувствовать одиночество

Солнышко, ласковая улыбка,
Тёплые ладони греют облака,
Тонкие пальчики вяют стальные нитки
И вплетают их в локоны дождя.
Как ты там без меня?
Знаешь, этот мир совсем не изменился –
Всё также здесь не хватает тепла,
Всё так же здесь мы не нужны тем, кто нам снился.
Наше местно солнце – обогреватель в квартире.
Но я, наверное, слишком редко смотрю на небеса.
Холодный ветер поселился в моём мире
И заставляет вспоминать тебя.

Белая...

(Ноябрь 2010 г.)

Зима пришла как-то неожиданно, как-то глупо. Тяжёлые белые хлопья закружились в тихом танце над грязной, мокрой улицей имени кого-то. Или в честь чего-то. Серое небо безразлично выпускало стаи своих отпрысков, неопытных, но грациозных танцоров, прямо на головы идущих по своим делам людей. Казалось, белый снег был всюду. Он застилал глаза, залезал в капюшоны, чернил мысли скорым приближением безжалостности зимы. Но земля оставалась такой же серой и грязной. Только на ней снег менял свой цвет. Он ещё был слабее следов осени. Где-то оставались несчастные клочки травяной растительности – обычная такая ноябрьская, преддекабрьская трава, произрастающая в местах, где неглубоко под землёй пролегала толстая кишка теплотрассы.

День. Казалось, он наступил не так давно, но уже больше трети его жизни было пройдено. Обычный, казалось бы, день, но с таким знаменательным событием – первый снег.

Асфальт разсопливился и перестал быть полноценной опорой для колёс автомобилей. Водители превышали нормы осторожности, дабы не очернить себе аварией такой «белый» день. Ленивый поток терзал обычные хитросплетенья улиц имени кого-то или в честь чего-то. Кто мог, тот не выходил на улицу. Кто не мог, тот по инерции продолжал свои дела, пытаясь не обращать внимания на этот снег. Хотя он, сука, так лез в глаза...

Он так старался понравиться. Он был на виду!

Но никто не выбегал на улицу с криками «ура!». Это ж не майский дождик, что так легко орошает землю ласковой весной, даря надежду на жаркое лето. Даже детишки ещё не торопились лепить долгожданные снежки. И лишь кто-то из детворы в недоумении рассматривал свои ладошки, видя, как этот снег на них тает. Уникальные кристаллы льда превращались в обычную воду.

* * *

Дворник смотрел в очаровании и недоумении на этот первый танец зимы. Нет, он не окрикнул эту погоду в матерной транскрипции выражения: «а ну-ка, пожалуйста, перестань, надоел!». Этот снег быстро сам по себе тает, следовательно, не надо будет его убирать. Но скоро настоящая зима и что тогда? Ничего. Не первая же зима. Да и нет ощущения, что последняя.

Вся атмосфера этого муторного события так и выражала своё настроение: слов нет. Какие тут слова, когда кругом одни картины?

* * *

Поскользнувшись на ступеньках многоэтажного дома, перспективный молодой человек засеменял мелкими шагами в сторону своего автомобиля. Щегольские ботинки оказались не в угодку такому небесному настроению. В них было скользко и зябко. Пресловутая, не отяжелевшая смыслом попсовая песня разогнала глухое пространство внутри автомобиля, всё ещё «обутого» в летнюю резину.

Парень включил печку, хотя не успел ещё замёрзнуть. Было просто как-то противно от налипающих на лобовое стекло осколков неба. Заработали стеклоочистители. «Рено» аккуратно двинулось в путь, удачно вклинившись в поток грязных, давно не мытых дождями авто-

мобилей. Песня закончилась, и знакомая всем радиостанция продолжила своё вещание прогнозом погоды: +1, -1, возможен снег.

Зараза, ты в окно-то выгляни!

Теснота пробок, убаюкивающий фон какой-то новой песни про любовь, средней крепости кофе в желудке. Всё просто. Только вот снег...

Как движение стало совсем заторможенным, вспомнилась опять эта возможность курить. Приоткрыть окно, достать сигарету, автоподжиг. Вкусный дым никотина. Мягкая слабость тела. Приятное тепло отравы. Ощущение какой-то свободы. Но нельзя, нельзя курить. Чёртовы пробки, скорее бы на работу. Звонок на не забытый в этот раз мобильный. Начальство уже вовсю беспокоится его судьбой. Всё нормально, пробки. Ах, пробки, знаем, ну ладно...

А почему бы не на трамвае? Хоть раз на весёлом, громыхающем, красно-жёлтом трамвае? Как-то и неудобно уже. Забавный транспорт, если в кармане такое же забавное число денег. Ну и пускай, что «Логан» в кредит, а «итальянские» ботинки на вторую осень «запросили каши». Зато свой маленький уголок на этой оголённой и замёрзшей улице со своим насморком в виде этого белого снега. Да и трамваи тоже рядом. В такой же пробке.

* * *

Но и в них своя жизнь. Люди, много людей. Странные, не весёлые. Кондукторша сердито смотрела в их лица и гадала: кто же не заплатил за проезд. У неё был нюх на такие ситуации, многолетний опыт. И пусть она сама занимала половину трамвая, но [...] рублей – это святое.

Вот школьник прогуливал уроки, наворачивая третий круг по кольцу. У него проездной и лет пять-шесть обучения в школе. Чему сейчас учат детей? Мобильные телефоны, интернет... про телевизор уже как-то не современно говорить, что ли. Теперь каждый, кто хоть что-то знает об этой жизни, может поведать об этих знаниях всем. И никому уже не нужен личный опыт. Есть чужой. Так и жизнь может какая-то чужая получиться. Не то, чтобы ненастоящая, а просто чужая. Всё можно узнать без проб и без ошибок. Главное, суметь этот чужой опыт применить. Повезло поколению «большого пальца» жить уже в другом мире...

А вот обычные «серые» дядьки. Пальто, шляпа, портфель, проездной или мелочь. Несостоявшиеся миллионеры. И вообще, не состоявшиеся. Их жёны, такие же, как и я – думала кондукторша. Такие же романтичные в молодости. Но со своей памятью о счастье.

Но как мало людей знают, что счастье юности, молодости легко сохранить в сердце, если давать ему развиваться в настоящем, а не губить в прошлом, чтобы оно принесло плоды благополучия в будущем.

Нет, тётя Маша не чувствовала себя счастливой, но ей всегда было о чём улыбнуться. Даже сегодня, в этот снег. Даже при этой отдалённо ноющей после недавнего приёма таблетки, но уже привычной боли в груди. Надо работать.

Так, вот какая-то барышня лет восемнадцати-двадцати. Сидит. Наушники, жвачка, пустой взгляд в окно. Яркий макияж. Бесформенная, но слишком короткая куртка. Могла ли она не заплатить? Рядом с ней какая-то бабушка. Стоит. С советской авоськой, там советский бидон, с российским, наверное, молоком. Эта сидит, а эта стоит. Ну, как обычно, в принципе. Хотя не, девка ещё на Московском заплатила. А у пенсионеров пенсионный, так... куда вообще постоянно эти бабки ездят? Самый популярный «клиент» трамвайного помещения. Да, здесь меньше трясёт, чем в автобусах, но куда ехать-то? Тем более в такую погоду, да в час пик.

Кондуктор отвернулась к своему личному окну, над которым было обозначено красной краской строгое наставление: «место кондуктора не занимать!»

Вот так. Половину жизни и знать своё место...

Движение «встало». Настроение у опаздывающих упало. Кондукторша со своего места встала. Снег всё также падал...

Тётя Маша подошла к кабине водителя, отворила дверь. Миша сидел смирно, куря сигарету через открытую форточку и небрежно стряхивая пепел на крышу серебристого «Рено». Его взгляд отражал ледяную уверенность проложенных по кольцу железных трамвайных путей. Он тоже обратил внимание на первый снег. Но ему от этого было не холодно, не жарко. Ему было обычно. И в довесок – обычный разговор с тётей Машей про погоду, про пробки, про зарплату, про телевизор, и, конечно, про тех «господ», что на своих драндулетах перекрыли всё движение, не поделив где-то впереди проезжую часть.

Миша тут же забыл, о чём они на этот раз перекинулись фразами. Главное, чтобы вовремя он ей долг вернул. Ему это тоже важно. «Правда-правда» – как дочка в детстве говорила.

Тётя Маша ещё немного потусовалась в кабине водителя, но, не выдержав «газовой атаки никотином», вернулась в свои владения.

И тут её перебил другой запах. Более мерзкий. Запах безбилетника! Точно, вот он, хорошо прятался, но расслабился, наглец – пробравшись сквозь толпу к передней двери и оббегав вокруг себя «неприкасаемое» пространство миру явился бомж. Обычный бомж. Ему зачем-то тоже понадобилось куда-то сегодня ехать. Он думал о чём-то своём. О чём-то своём, о чём принято говорить – ни о чём не думал. Ему даже не было плохо. Он был в тепле, в нутре тоже плескалось что-то тёплое вперемешку с аскаридами. Ему было нормально.

– Э, ты за проезд платил? – грубо спросила тётя Маша.

– Я? – инерционно ответил бомж Витя. – Я не платил. Я забыл. Простите. Великодушно. Мне ехать всего одну остановку. Милая барышня!

У бомжа Вити было хорошее настроение и плохая дикция. Но и его речь, и вся эта ситуация потихонечку обрисовалась в сознании кондуктки. Ясное дело.

– Ну-ка на х... хрен пошёл отсюда! Миш, открой дверь, у нас тут господин без билета!

Пришлось выбирать выражения. Рядом же школьник.

Миша её не слышал, он вообще ничего и не слушал. Он хотел субботы, а не среды. Пассажиры устали на эту ситуацию в ожидании какого-нибудь шоу. Но шоу не состоялось во всей своей потенциальной фееричности.

В это время Виктор Евгеньевич стал ковыряться в карманах и извлёк оттуда горсть мелочи. Отсчитал. Протянул своё добро кондуктке. Она отпрянула от данного сокровища, ещё раз осмотрела пассажира с ног до головы, и, вроде бы, запах перестал так сильно бросаться в нос. Запах безбилетника. И запах бомжа. Она сделала лицо «попроще».

– Ладно, – сказала она, – езжай, только на следующей остановке выйдешь, понял?!

– Спасибо, милая барышня, – мужик растрогался и не на шутку расщедрился. – Ну, возьми хоть рубль...

Кондукторша не взяла рубль. Она невозмутимо ушла на своё место смотреть в окно на то, как белый снег падает на крыши разных автомобилей, собранных в одну реку под названием дорога. И течение которой вещь совсем не постоянная, как и этот первый снег. Боль, вроде бы, отступила. И уже не хотелось думать о походе к врачу.

Трамвай начал делать свои первые робкие «шаги» в такт общему движению.

* * *

А внутри «Логана» царила атмосфера нервного напряжения, сопряжённого с потребностью курить, когда это дело вовсе брошено пару дней назад. Окончательно и бесповоротно. Вроде бы.

Жаль, что «Кентовая» пачка осталась дома. Целая. Целая!!! Двадцать минуток радости, минимум! И этот водила трамвая ещё душу травит своей «Примой»...

«Европа плюс» дарила очередной позитивчик в виде какой-то заезженной популярной песни, от которой многие малолетние девочки сразу должны были писаться кипятком, а сами

исполнители должны были лишний раз искупаться в такой вот сомнительной славе. А что делать запертому в своей машине перспективному, красивому (хоть и не блондину), молодому, энергичному, вполне состоятельному, полному сил, человеку? Кстати, и в туалет не мешало бы...

* * *

Где-то на пятом этаже типичной панельки без лифта, на кухонной табуретке сидел старый дед. Он смотрел в окно. Чтобы было лучше видно чёрно-белое послание, он надел очки с толстенными линзами, «просвечивая» насквозь своим минусовым зрением свежую бесплатную газету с мелко напечатанной телевизионной программой. Найти бы что-нибудь интересное. Можно было бы выбирать, что читать – было бы интереснее. А телевизор давно не радует. Там мало интересного. Всё как-то... непонятно.

Молодость далеко убежала вперёд, а люди, создавшие и построившие им эту молодость, остались в своём веке. Где программа «Время» с Кирилловым, где союз нерушимый, где Гагарин, где хоккей – событие, где пиво «Жигулёвское», где сигареты «Космос»...

Курить он бросил лет двадцать назад. Чтобы... жить. Чтобы жить.

Вот старуха его, с одного с ним года, померла пять лет назад. А никогда не курила. Интересно, как это вообще – покурить после такого перерыва? Ага, и сразу «ласты склеить». Дед усмехнулся.

Вечным фоном с шести утра до полуночи на кухне «калякало» радио. Обычное, от сети которое. Многие давно его отключили, чтобы эти старые агрегаты, пережитки советского информационного поля, не печалили интерьер современного жилища.

Вот и старый «Рубин» на журнальном столике уже редко включается. Редко тревожится скатерть на нём. Белая, с бахромой. Это старуха ещё всегда так вешала: насмотрится своих мексиканских сериалов, на кнопку «вкыл/выкл» нажмёт, штепсель из розетки вытащит, и, обязательно, сверху скатертью накроет. Хрен знает зачем. Вот и у деда привычка осталась. Только ему не надо этих сериалов. Долго он избавлял себя от привычки подчеркивать в ТВ-программе сериалы и фильмы, которые могли бы заинтересовать впечатлительную супругу...

Отвлекло радио. Программа новостей. Дед прислушался. В Камбодже на празднике воды из-за сильной давки погибли люди, данные постоянно обновляются, точных цифр пока нет, много человек находятся в тяжёлом состоянии в больницах...

Девушка-диктор сбивалась, путалась в речи, будто недавно научилась говорить. Нет, у нас такого не было – думал дед.

Тут пенсионер, наконец, обратил внимание и на то, что творилось за окном. А там шёл по своим делам снег. Ага, значит, очередная зима приходит. Какая уже по счёту? Жизнь оставилась в своём развитии. И ушла обратно – в бессмыслицу существования. Остались только воспоминания, которые уже затёрты до дыр, как старые чёрно-белые фотографии, что зачем-то хранятся в тёмных семейных шкафах рядом со шкатулками с бижутерией, лекарствами, документами, современными фотоальбомами детей и внуков. Рядом с ненужными фигурками дельфинов с надписью «Крым 1983». Рядом со всякими «скелетами в шкафах», так сказать...

А ведь память важнее всего! Даже на памятник и то нужно фотографию покрасившее и где усопший помоложе. Только не чёрно-белую, она не современна, что ли... и памятник-то нужен такой, чтобы крепко стоял. Какой сейчас в моде? Растут кладбища, как города. Только жилыцы в них прописку уже не меняют. Сколько памятник такой стоит? Лет сто? А потом зарастает могила, ветшает, и прах в земле окончательно переваривается. Тут и новая могила будет.

Тяжело задумался дед, а снег также бездумно валился с неба.

* * *

Она ехала очень долго, но всё равно приехала раньше. Времени было ещё вагон – почти точно такой же, что и привёз её сюда. Жёлто-красный. Выделяющийся на этом фоне снежного безумия.

Но трамвай уехал, а девушка осталась. Она сделала несколько шагов в сторону от стеклянной остановки, выплюнула жвачку и вытащила из ушей наушники, в которых и так была

тишина. Девушка сегодня так и не решилась послушать что-то жизнерадостное или наоборот, грустное – под настроение. Было совсем не до музыки.

Она была без шапки, и белый ореол снега быстро налип на собранные в хвостик волосы. Пришлось надеть капюшон и разрушить попытку белоснежья высветлить чёрную от дум голову девушки.

Она достала тонкую сигарету, пристроила к накрашенным губам и стала чиркать зажигалкой. А снег валил, мешал ей закурить, заглядывая под капюшон и удачно падая на пышные ресницы, не забывая задувать в немного оголённую короткой курткой спину. А самая жирная и мощная снежинка свалилась прямо на сигарету, намочив её хрупкий, пропитанный ароматизаторами стебель. Девушка давно не курила и сегодня, значит, не следовало. Мыслей было много, они не хотели перевариваться в такую же снежную кашу, что образовывалась под ногами, чтобы потом нормализоваться бугристым льдом, с которым будет бороться своим ломом дворник и такая далёкая весна.

А подумать было над чем: надо как-то закрывать «хвосты» по учёбе в универе; найти ещё одну подработку, чтобы не увеличился долг по съёмной квартире; как-то нужно было забыть того, кого рядом уже не было. Хотелось оставить самое дорогое, что может остаться от близкого человека. Но диагнозы решили иначе. Нужно будет убить эту память и вернуться в жизнь, задавив одно, только зарождающееся её начало...

* * *

Снег казался слишком белым, слишком безупречным, слишком идеально вписывающимся в сумеречную атмосферу. Но он уже не танцевал, не кружился – он рушился вниз. Обречённо, без памяти о себе. Будто мечтая перейти в дождь. Вот что значат вариации температур от -1 до +1. Никто не говорил ему, что делать. Хотя... может быть где-то там, наверху, в небесной канцелярии, каждой снежинке давали свои указания, где и как нужно разбиться с красотой умирающего лебедя, камнем бросившегося об землю. Или смелостью японского камикадзе, что своим деревянным самолётом таранит американский крейсер.

Дворник уже менее оптимистично взирал на картину, начерченную индустриальными сооружениями, городскими голыми деревьями и падающим снегом. Завтра этого снега быть не должно. Не должно, слышишь, небесная канцелярия? А ведь мало кто помнит, что первый снег этой осенью уже был. А дворник помнил. Но и этот снег, как первый. Такой же. Рано ещё «расчехлять» лопаты.

Откуда-то взялся ветер, закружил снежную круговорот, потрепал мусор, что бездарно высывался из мусорного бака. Несколько бумажек выпрыгнули навстречу этому буйству погоды. Пустая пивная банка перекатилась по периметру двора.

Её грохот терзал странные мысли в голове дворника. Ему хотелось выпить. И чего-нибудь покрепче. Обмыть первый снег, так сказать. Хотя, на днях только пил...

Окурок сигареты в его грязных пальцах дотлел до обморочного спокойствия. Мужчина кинул его вслед «убегающей» пивной банки. Через несколько мгновений «бычок» и банка уже

наперегонки катились в сторону стража чистоты этого тихого двора, отгороженного домами от шумного проспекта, где машины и трамваи всё также мыкались в поисках лазейки к продвижению вперёд. Не гоже мусорить. Но сегодня нет настроения на банку и окурочек. Очарование первым снегом сменилось грустью.

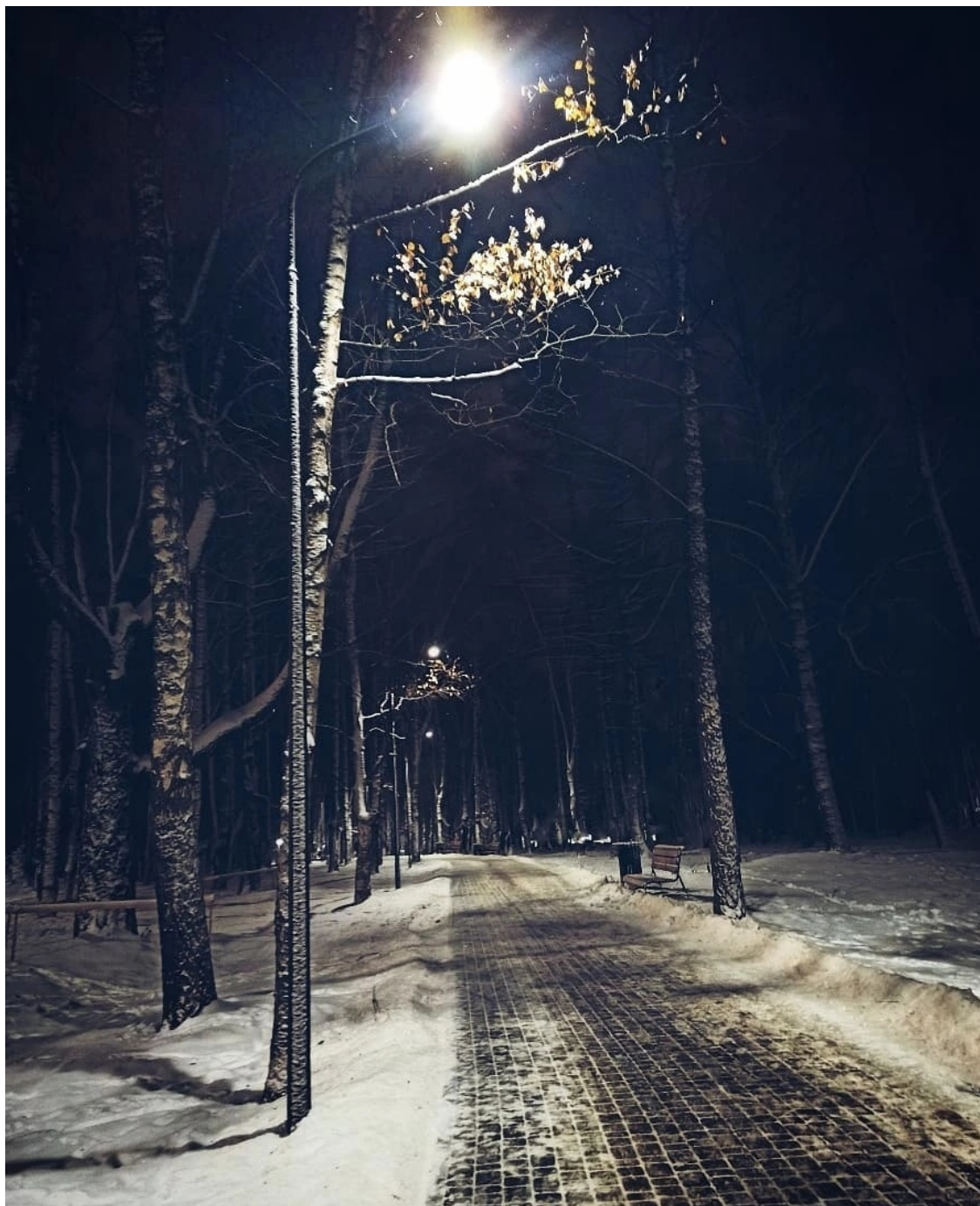
Надо выпить – думал дворник. И он выпьет. А снег должен растаять.

* * *

Стемнело. Будто раньше привычного. И не поймёшь сколько времени – то ли восемь утра, то ли пять вечера. А снег всё продолжал свою круговерть, беспристрастно, но недолго наблюдая за копошением людей с высоты своего полёта.

И вот он. Вечер дня после работы. Утренняя пробка «рассосалась», образовалась новая, но и её постигла та же участь – «узелок развязался».

Люди успели устать от своей деятельности. Только снег не уставал падать. Он победил осень – укрыл землю своим бархатом. Только чьи-нибудь подошвы давили его, и он отступал, показывая чужие следы всему миру.

* * *

Кондукторша возвращалась домой, таща большие сумки с продуктами (дали зарплату и Миша долг вернул), чтобы накормить семью. Чем? Да... макароны, гречка, тушёнка, сардельки, два батона и буханка ржаного, сахар, пряники к чаю и чай индийский, правда, уже без слона...

Уставшая женщина, уставшие мысли. Завтра опять на работу. Завтра записаться бы к врачу.

Миша тоже пришёл домой. У подъезда выпил бутылку пива, и ему стало проще воспринимать это очередное возвращение воясы. Веселее как-то стало.

– Жена, я получку принёс! – провозгласил он свой приход громкоголосой разудалой фразой.

– Копеечки свои на стол положи и «листочек» рядышком, – отозвалась ворчанием жена, кашеварившая что-то на кухне.

Миша сразу обиделся на такой отклик, но послушно сложил деньги на письменный стол в прихожей.

Навстречу выбежал десятилетний сын:

– Папка, привет! Сегодня такой снежище валит!

– Да, я в курсе. А Дашка гуляет что ли ещё?

– Да, а ты мне чё купил?

– Ничего. Завтра, – сказал поникший Миша, прилёг на диван и включил телевизор. Уставился в него, бездумно переключая каналы пультом.

Он хотел купить, но жена знает лучше, что нужно и сыну, и дочери. Да и дорого то, что ему хотелось подарить. Нужно было купить хотя бы шоколадку. Но новый год совсем скоро, ещё подарит то, что хотел.

И ещё так тоскливо стало. Сколько новых годов у сынишки, дочки, что уже так быстро выросла? А сколько этих новых годов он будет рядом с ними? Дочь уже сказала свои первые грубые слова в его адрес. А сын ещё был в восторге от того, что Миша управлял такой большой и крутой штукой, как трамвай, а не был просто «сраным водилой» – как выразилась его дочь. Тоже ещё школьница, а уже такая взрослая, будто знающая что-то о жизни.

Горько. Почему так много мыслей об этом?

Хотелось на дачу, хоть зимой там скверно, холодно. Хотелось поторчать в сарае, что-нибудь починить, попрятать от жены чекушку в старом, кирзовом сапоге. И попрятать куда-нибудь подальше (знать бы куда) свои чёрные мысли, что вернулись в такой белый день. Мужики ведь не грустят. Лишь ненадолго уходят в себя. Но будут выходные, и почему бы не рвануть на дачу в этот раз, одному.

* * *

На кухне горел свет, а дед смотрел в окно, видя только своё отражение и слишком близко подобравшийся, мелькающий белый снег. По радио транслировали постоянную рубрику с соответствующей загадочной атмосферой чужого мира фантазии: поэзия на «Радио России».

Где-то за окном заискрились «рога» трамвая. В нём работала уже другая смена водителя и кондуктора. Дед попытался вспомнить, когда он в последний раз ездил в трамвае. Не вспомнил. Эх, слушались бы ноги – тоже бы покатался в трамвае. Да хоть просто так, показывая то, что и у него ещё есть какие-то дела в этом мире...

* * *

Пьяный дворник спал в своём углу. Но он не был счастлив, выпив чуть больше меры.

А снег ведь должен растаять. И завтра не будет много хлопот. Ведь так, небесная канцелярия?

Операция оказалась сложной. Сложным было и восприятие негатива, с которым столкнулась молодая девушка. И над возрастом её «поцокали», и указали на то, какая у неё короткая куртка и слишком яркий макияж – «будто на праздник пришла». А как же про любовь, которой все возрасты покорны? Как же тот факт, что последние полтора года она только и ездила в тёплой, хорошей машине, и хотелось просто красиво, модно выглядеть? Как же ей быть без макияжа, если для неё это по-настоящему важно? Макияж – это ритуал, это средство

повышения настроения, это знак того, что день должен пройти хорошо. Должен был пройти хорошо, но не этот, конечно же.

И без этого ведь ей было тяжело.

Начала нарастать боль внизу живота. Снег свалился с карниза.

А как она когда-то танцевала! В белом, красивом наряде под взорами... скольких людей? Сколько вмещал тот зал, где проходили эти концерты? Юность была такой сложной, но она быстро оказалась лучше взрослой жизни.

А как всё было нелепо в том белом танце под сводами школьного клуба, когда она со своими почти профессиональными навыками, робко переступая ногами, смущалась до дрожи в душе, но смотрела в его глаза. Богатенький папкин сынок, как говорили другие. Мой – говорила она. Пусть так недолго и так нечестно.

Хотелось бы вернуться к танцам, в местный ДК, а не быть с болью здесь.

* * *

Перспективный молодой человек вёл свою машину в сторону родного города, дома, жилища – своей совсем не перспективной съёмной квартиры. Как было бы хорошо, если бы в ней поселился кто-нибудь ещё, кто будет его ждать с горячим ужином и разговорами про прожитый день. А пока был только старый кот – толстый, хороший друг.

Снег надоедливо шуршал где-то за территорией его недофранцузского «звездолёта».

Парню пришлось скататься в соседний город, чтобы отвезти важные бумажки с умными заголовками (накладные, раскладные, подкидные, чёрте какие). Ещё гаишник, зараза, докопался. Ну не уступил паренёк дорогу какому-то трактору на пригородной дороге, как того требовал знак. После городских пробок хотелось погонять. Ага, гаишники сразу и тормознули, рядом тусовались. И работу свою знают.

– Лейтенант Луценко, ваше водительское удостоверение.

– Да, конечно.

Документы в порядке.

– Вы в курсе, что уступить дорогу – это значит, что запрещается совершать, возобновлять или начинать какие-либо действия, мешающие движению транспортных средств, находящихся на приоритетной дороге, и тэ дэ и тэ пэ...

– Да, конечно.

Что ещё скажешь?

Но эта встреча быстро забылась. Он торопился домой, чтобы поесть свою «бэпэшку», проверить электронную почту и пустоту сообщений с сайта знакомств, потом почистить зубы и лечь спать. Может, покурить, если силы останутся. Хотя, ещё один день без сигарет по замыслу так и должен остаться безникотиновым днём!

Но летняя резина устала трепать холодное дорожное покрытие, и резкий визг тормозов оглушил загородную трассу. Неудачный поворот... и машина на обочине. Длиннющий тормозной путь, благо, не сильно занесло. Гравий помог лучшему сцеплению с невменяемым, на мгновение, автомобилем. Подошвы колёс не увидели небо. Но страху-то.

А ещё, в пяти метрах дальше, опасный кювет, где парня могла бы ждать неминуемая карусель.

Сердце бешено стучало. Двигатель работал ровно. Только передняя панель тряслась. Ну, как обычно. И руки дрожали. А это уже новые ощущения.

Первый снег не повод для смерти! Сегодня же в шиномонтажку.

Сзади остановилась старенькая «семёрка». Из неё вылез водитель. Толстый такой, с усами. Подошёл к «Рено». Спросил:

– Чё случилось?

– Да, резина подвела...

– Хэх, – усмехнулся мужик. – Голова тебя подвела, если на летней ещё едешь. Сам-то как?

– Нормально всё. Слушай, а у тебя сигареты не будет?

Снег приятно падал на разгорячённую голову. Тёмный лес спал вдалеке, за полем. Чёрной ямой казалась ближайшая обочина. Глубокая, невообразимо страшная, скалящаяся двухметровым обрывом...

Мимо проносились одинокие легковые автомобили и брызжащие грязью гигантские фуры. Сигарета приятно мутила голову. Всё нормализовывалось. Теперь действительно стоило ехать аккуратнее, чтобы не увеличилось количество траурных венков вдоль этой трассы. Как не хотелось думать в этот светлый день о смерти. А ведь кому-то сегодня не повезло.

Снег, снег, снег...

* * *

Вот так. Кому-то первый снег, а кому-то первая и последняя смерть. От кувyrка истерзанного металла с трассы, от тоски, от трудностей, от внезапно обострившейся болезни, от алкоголя, от старости, да от чего угодно...

Жаль, но кого-то когда-то чуть-чуть пораньше выберет эта рулетка статистики. Пожалуйста. Не сегодня. Не хочется. Не надо.

Молчание

(март 2011 г. – 6 января 2012 г.)

Где-то разбилось счастье, о ком-то капал дождь, к кому-то пришла осень, за кем-то пришла ночь...

Беспорядочное мелькание обрывков воспоминаний. Искажённые картинки значительных и совсем не важных событий. Тихое эхо каких-то слов, разговоров. Милое и дорогое, смешанное с подлым и грязным валяется на полу пространства, вместившим всю жизнь. И как бы то ни было – остались следы от всего. От всего, что касалось предчувствий и послевкусия прошедшего. И глухой мрак будущего заслонил свет в конце тоннеля. То ли тупик, то ли новая бездна.

В комнате стало совсем темно. Я близко склонился над тетрадным листом, придирчиво, в очередной раз, перечитывая только что написанные мною строки. Ещё и ещё я тщательно пытаюсь узреть чужими глазами свою искренность в хитросплетениях простых человеческих слов. Пытаюсь поверить самому себе. Смотрю на себя со стороны и вижу чужого человека.

Все мои душевные переживания не идут ни в какое сравнение с тем, что начеркал мой карандаш на бездушном двойном листе в клетку. Мелкий, неровный почерк с многочисленными пометками и исправлениями не внушал доверия даже мне самому. Куда пропала моя правда и так ли она должна была быть выражена? Как правильно признаться в том, что не имеет словесной формы? Что только можно прокричать, провыть, простонать, терзая себя в ключья... тоску, верность, отчаяние и то чувство, которое принято называть любовью. Но... слово это затёрто, запачкано, избито ложью, потеряло смысл. Каждый способен сказать его без зазрения совести к правильности произношения.

Моё умозаключение меня расстроило, и я решил вычеркнуть это слово и все его производные из своего письма.

И вот, моё послание приобрело иной смысл. Смысловой загадочностью и с некоторым вызовом смотрели на меня двадцать две пустующих глазницы лица исповеди. Двадцать два слова вычеркнулись из огромного мира, ставшего бессмысленным после такой коррекции.

Особенно я перестарался в предложении: «Знаешь, а я люблю такую погоду, когда за окном тихо падают огромные хлопья мягкого снега, а ты сидишь у окна, в тепле, с выключенным светом». Меня рассмешила подобная сентиментальность и безжалостно-слепое вычёркивание безобидного в данном случае слова. Пришлось вычеркнуть данное предложение совсем, от чего я окончательно расстроился. Единственная милая и бесполезная информация была уничтожена в моём послании к моей весне...

Я поднял уставшие, просящие света глаза к окну, и увидел этот снег. Он особенно хорошо был виден в свете уличного фонаря. Тяжёлые большие комья валились с неба на грязный асфальт. И в комнате было очень холодно. И всё это я совсем не любил. Совсем...

Достав из кармана зажигалку, я аккуратно поджёг фитиль, почти израсходовавшей себя свечи. Волшебное и столь тоскливое действо за окном затмилось отблеском от источника света, и я перестал видеть то, что творилось за холодным стеклом. Только мерцающий огонёк, да моё мрачное отражение.

Я смотрел сам себе в глаза и не находил своего взгляда. Так, чёрные круги. И тут стало ещё и страшно. Часто повторяющееся ощущение, что кто-то стоит позади тебя и может схватить в любую минуту за шею и не придушить, нет, а только напугать. Да, испуг в данном случае принесёт меньше пользы, чем смерть...

Я на всякий случай оглянулся. Никого, но ещё есть шанс, что кто-то притаился за закрытой дверью. Ведь совсем скоро должны прийти.

Теперь при свете свечи я по-новому рассмотрел своё письмо. Грязная бумажка. Пустые и неразборчивые слова, которые появлялись в течение восьми дней после долгих, и, зачастую, отвлечённых от главной темы размышлений. Полнейшая неразбериха в своих мыслях... и совсем мало мгновений отделяло очередное недописанное письмо от надежды быть всё-таки

отправленным до ритуального сожжения в пламени хилой свечки. Но... очередной хоровод воспоминаний заставил ненадолго успокоиться в вымышленном мире, под именем Счастье...

* * *

Раннее утро плескалось в море, что было принято звать Чёрным. Но оно совсем не чёрное, оно... оно лучезарное! И даже чайки не так противно визжали, дополняя морской пейзаж, а наоборот, подчёркивали всю реальность момента, когда мы одни на краю света и до конца этого самого света ещё достаточно долго, чтобы узнать всю радость существования. Мы одни, а море оно такое большое, и, кажется, вроде бы предназначено для всех, но сейчас как бы оно всё наше. Мы вдвоём и больше нет никого.

Её улыбка – моё солнце. И мир не такой огромный, холодный и злой, а просторный, прохладный и... наш. Радость от пойманного на лету мгновения счастья переполнило моё сердце горячей волной сладкой нежности...

* * *

И обжигающим пламенем горя.

То, что у меня весь мир погиб – самая невосполнимая потеря. И нет больше ни этого утра, ни моря, и Её больше нет. Всё раздавлено горькой правдой, смысл которой затуманивается в придуманных обстоятельствах погони от счастья в вынужденной борьбе за обычную жизнь. И пусть без моря и солнца.

Невыносимая тоска заставила вновь всматриваться в вечернюю мглу за окном. Сквозь ореол нехитрого источника света и собственное отражение я видел обрывки этой темноты, за которой ничего не должно быть. Но пока я остаюсь, пусть даже здесь и сейчас, ну, может, и не совсем сейчас, но где-то.

Пропадая и появляясь, мы меняем пространство вокруг себя. Жаль, что мы не всегда способны определить – украшаем или загаживаем мы собой это пространство...

Всё, всё может пройти мимо, оставив какие-то непонятные следы на теле и на душе.

Короткий приступ боли и сон. Точнее, не сон, а какой-то провал в безвременное пространство, где нет ничего. Очнувшись, я быстро затушил свечу. Надо экономить такой важный источник света.

А в других домах по-прежнему было уютнее, чем здесь. Погрузившись не в вечернюю, а уже ночную темноту я увидел в экране окна далёкие глыбы чёрных домов с немногочисленными огоньками света, где живут более счастливые люди. Я никого здесь не знаю и не хочу знать. Потому что меня нет, я такая же чёрная тень, как и эти дома. Дополнение ко всему глупому миру, который меняется внутри меня, оставаясь безучастным и неизменным снаружи.

Закутавшись в одеяло и прижавшись к чуть тёплой батарее, я попытался снова уснуть. Однако сны на сегодня, похоже, закончились. Я всё приговаривал про себя: «верните мне моё счастье, верните меня, мне очень тоскливо, я очень устал, так больше нельзя...»

По кругу бесполезные причитания всё также крутились в моей голове. На шёпот напрашивалась молитва, но чёрная плоть атеизма перекрывала кислород духовному сознанию. Я беспомощно корчился в темноте от одиночества, сходил с ума и ждал утро. То утро нового дня, в котором снова растает моя надежда. Но что-то толкнуло мою реальность, и я вспомнил...

* * *

Как летний дождь падал на зелёную листву дерева, под которым мы прятались. Было очень тепло, хоть лето и отдавало последние свои силы на поддержание этой идиллии красочной поры, где так легко радуешься мелочам, и не хочешь верить ни во что плохое.

– Ты только не грусти! – сказала она, хоть и тончайшая нотка невыносимой печали тронула её голос, и капли дождя превратились во что-то такое горькое.

– И ты не грусти. Повода-то особого нет. Я приеду, да и дождь скоро кончится... – врал я и пытался держаться спокойно и даже немного равнодушно к сложившейся ситуации.

Да, мне надо было уехать, но не на «скоро», а практически навсегда. Да и дождь не думал заканчиваться. Издалека приближалась гроза. Но тогда я ещё верил, что не всё так плохо.

Она спросила:

– Мы ведь будем созваниваться каждый день после работы?

– Да, конечно, как же иначе то, – сказал я.

Телефон я выбросил прямо в аэропорту, как прилетел в чужой город.

– А ты мне чего-нибудь привезёшь? – попросила она.

– А что ты хочешь?

– Себя поскорее привези! – улыбнулась она и снова мило загрустила, видя, как наш бумажный кораблик, сделанный из двух билетов в кино, уплыл далеко по течению ручейка, образовавшегося из-за сильного ливня.

Будто вчера это прощание, будто вечно вчерашний дождь.

* * *

Закононая свобода казалась более страшной тюрьмой, чем моё помещение без удобств и уютного электрического света. Даже странно, что я бежал именно сюда. Бежал от своего позора и страха. От своей беспомощности в свою мнимую одинокую величавость.

И вот, кажется, солнце понемногу начало появляться над густой серой массой облаков, осветляя равнодушное чужое небо. В комнате светлело. Я поднялся с пола, не выбираясь из объятий одеяла. Всё равно было прохладно и меня знобило.

На подоконнике лежало моё письмо. Загнутый край его слегка трепыхался на сквозняке. Воспалённое полумраком зрение восстанавливало визуализацию написанного, но так логически и не оконченного письма.

В очередной раз текст показался мне весьма глупым, но искренним. Да, именно искренним – все перечёркнутые слова правильно дополняли картину. За неровными линиями злости отречения от написанного, всё равно виднелись очертания спрятанных слов. Они чувствуются, ими дышит этот мятый листок бумаги. Да, это не совсем сквозняк, это дыхание! Моё, моих чувств, моей, неожиданно, посветлевшей боли! Будто крылья ожили за спиной! Я выпрямил спину, прохлада испарилась из тела...

* * *

Как когда то я летал на этих крыльях по своей стандартной жизни. Оно того стоило. И этот быт ничто, если у тебя есть крылья. Пусть и полёт не долгов, а падение... а падение для меня стало синонимом бездны. И не понятно, когда первое закончилось, а второе началось. Но когда ветер треплет твои волосы, и есть ощущение невесомости, то не всегда так уж важно

– ты летишь к солнцу в жгучие объятия, или в пропасть на чёрные камни холода. И бабочки в животе или тараканы в голове виноваты – не разобрать, некого винить.

– Зачем нам куда-то идти, если мы уже друг друга нашли? – спросила она.

– Понимаешь, наш мир и мир вокруг нас, это разные вещи, – философствовал я, докуривая ненужную сигарету. – И оба эти мира взаимосвязаны. Нам нужно ходить на работу, нам нужно общаться с родственниками, друзьями, коллегами.

– Но ведь они совсем не понимают нашего счастья! Я так и чувствую зависть и злость просто за то, что мы сейчас совсем другие. Они серые, а мы разноцветные и яркие!

– Думаешь, они тоже не были разноцветными и яркими?

– В том то и дело, что были. Сейчас я не вижу их цвета. Они съели сами себя бытовой ненужностью, завистью, что у других лучше. Своей примитивностью, ревностью, глупостью. И совершенно точно у них не было именно нашего счастья!

Она загадочно улыбнулась.

– Мы избранные, – засмеялся я, и она засмеялась в ответ.

– И мы спасём мир!

Нашим отношениям тогда было всего два месяца. И позже, значительно позже, да и в день нашей последней встречи, мы были верны своей яркости.

Но в то время я уже горел...

* * *

Руки мои дрожали от ненависти к себе. Письмо в последний раз дрогнуло в неосознанных конвульсиях. Возможно, это была моя попытка его изорвать, изуродовать, уничтожить голыми руками.

Но, помимо импульсивности порывов, остался ещё нежный трепет.

Я положил письмо в конверт. Адреса я не знал, или не помнил, или не хотел вспоминать. Достаточно было имени, я верил...

Одно имя, которое не редкое, но и не распространённое, но самое родное. Роднее моего имени и ближе моей боли.

Чтобы не оставить сомнений в своём решении, я, как можно быстрее, обул ботинки и накинул на плечи весеннюю ветровку и остановился у двери. Меня пронзила молния новой беды и нового страха. Помимо постоянства тоски есть ещё и наплывы дурного предчувствия.

Скоро придут, скоро за мной придут.

На улице было не так холодно, как я представлял себе, коротая долгие дни в бессмысленном одиночестве. Мне было жарко, я шёл быстрым шагом по почти незнакомой дороге к синему почтовому ящику. Мимо круглосуточных ларьков, мимо серых пятиэтажек, детских площадок с ржавыми качелями, мимо редких утренних прохожих... мимо всего мира.

Снег хрустел под ногами, и редкие проплешины раскатанного гололёда пытались помешать сбавить ход. Но я шёл. В голове моей будто били барабаны, и я не слышал окружающей обстановки. Мимо пробуксовала машина, чуть не задев меня. А из подъезда дома выбежали два школьника, даже не взглянув на не по погоде одетого прохожего. Низко пролетел голубь, за приметив где-то у мусорного бачка кусок жратвы...

Весь мир не обращал на меня внимания.

Моя хриплая одышка меня не волновала, а давление в висках пульсировало ещё больше, и мой кругозор стал менее отчётливым. Но я видел или, по крайней мере, представлял себе цель. Вот, у угла дома висит почтовый ящик. Рядом, где-то совсем рядом.

Я поскользнулся, упал...

Пропал шум в ушах, утихла барабанная дробь, взгляд прояснился. Рукавом я вытер с лица грязный снег. Предо мной висел этот синий ящик. За спиной смеялись дети, у входа в магазин что-то про пьянство ворчала старушка.

Или мне показалось. Я осмотрел всё вокруг. Этот мир всё также реален и до тошноты знаком.

Грустная правда всего окружающего слишком неприемлема для высоких чувств. Наверное, поэтому всё так и происходит в жизни – лодки разбиваются о быт, сердца об пошлость, крылья о высоту. И только этот самый мир не обо что не разбивается. Он и так разбит. Потрескан, обветрен, загажен. А внутри него множество маленьких мирков пытаются жить по своему, но рано или поздно сталкиваются с этой гигантской машиной.

Я поднялся, опустил письмо в бездушный приёмник чужих новостей, всё ещё востребованный в нашем мире высоких технологий и ржавых «Жигулей».

Обратно я шёл долго, с тупым чувством вины, и изредка проскальзывающим чувством бессмысленности всех своих поступков. Мне стало совсем холодно, и я зашёл в магазин. Там пахло только что вымытыми грязной тряпкой полами. На стене висели новогодние гирлянды. Точно, наверное, скоро праздник. Или он уже закончился?

Я пошарил в кармане куртки и нашёл сто семьдесят рублей. Больше денег у меня не было.

– Мне половинку ржаного и бутылку самой дешёвой водки.

Продавщица молча отрезала хлеб и также безэмоционально вручала мне эту жалкую краюшку. После она передала мне через прилавок бутылку «Хлебной дороги» и два рубля сдачи одной монеткой. Я, не сказав «спасибо», взял деньги и тихо удалился.

Я сидел у окна. Сначала грыз хлеб, потом начал запивать его водкой. Не чувствовал вкуса ни того, ни другого. Не пьянел, только тяжелела голова. Сны пытались ворваться в мою беспокойность, но у них ничего не получалось. Я очень ослаб, но разные чувства постоянно тормозили мою реальность. Бедная моя... бедный я... почему?

Скоро придут.

* * *

Самолёт продолжал своё плавное воздушное шествие над тайгой, как в кармане завибрировал телефон, так и не поставленный на режим «в полёте». Я очнулся от лёгкой дремоты. Читаю: «милый, как долетел? Я очень переживаю и уже скучаю по тебе!» Пишу ответ: «долетел нормально, не скучай, скоро вернусь».

Жду отчёта о доставке, выключаю телефон.

В глубине души похвалил себя за сдержанность и чуть не разрыдался.

В аэропорту я сразу понял, что далёкий северный город самое подходящее место для духовной и физической борьбы с самим собой. Бесконечные леса со своей чистой свободой, где между деревьев затеряны мои новые мысли. И где я так и не оказался, чтобы найти их.

* * *

Жарко. Лето сквозь раскрытое окно дышит ясным небом, пением птиц, шелестом зелёных листьев деревьев.

Сажу в подъезде на грязных ступеньках, курю. Много курю. Больше всего хочется провалиться под землю и вообще никогда не появляться на свет. Мне не грустно, не одиноко, мне просто тошно! Я не знаю куда уйти, если уже и так далеко зашёл!

Достаю из кармана джинсов зажигалку. Рассматриваю её. Обычная зажигалка «Крикет». Вытаскиваю из рядом лежащей пачки очередную сигарету. Прикуриваю. Достаю из кармана

рубашки неаккуратно сложенную справку, разворачиваю её, читаю в сто пятидесятый раз. Сжигаю её.

Результат повторной сдачи анализов – положительный.

А вот вера в этот результат пусть будет отрицательной.

* * *

Сколько времени я был в беспамятстве тупо пялясь в окно? Причём не в то, что за ним, а в то, что в нём. На своё отражение. Чуть мутное пасмурным днём и совершенно чёрное ночью. Что видел я в себе? Абсолютную пустоту.

Физические ощущения уже давно оставили меня. Было только что-то прохладно-равнодушное. На всё внешнее – на сквозняк в комнате, или на отсиженную ногу. Боль превратилась в снег, который падал, казалось, непрерывно, но плавно и беззвучно. Я что-то начал понимать...

Что-то такое тайное и страшное. Как судьба выбирает счастливых и несчастных. Ясное дело, что вслепую, но нет... всё сложнее. Намного сложнее. Во всём виновато наше внутреннее состояние. Да. Потому что сложнее всего поверить. Поверить и осознать своё истинное лицо. То, сколько счастья может быть в этих глазах, и что нужно подкинуть человеку в костёр души, чтобы это счастье не погасло. Кому-то и не нужно ничего подкидывать, к таким людям судьба благосклоннее. А кому-то даётся это счастье, а он и не знает куда его деть, что с ним делать. И зачем оно ему. Да, и, кстати, самое главное, счастье это то, что если у тебя его отнять, то тебя и не будет. Ты умрёшь. И с одной стороны это может быть чем угодно, и самой жизнью. Вот как-то так...

А она была лишь частью моего счастья, поэтому я вычеркнул все слова, что обозначали главное чувство...

Иллюзия это так страшно! Основное моё счастье – жизнь? И когда её начало жрать изнутри ею же созданное чудовище, я распорядился ей не правильно. Не было у меня тогда такого зеркала, чтобы посмотрев в него, я бы сразу понял, что слишком слаб, чтобы бороться с этой смертельной вольностью судьбы, что решила отнять у меня всё, чего я не достоин.

Мне очень жаль её, ведь я, получается, и её убил. Она тоже скоро умрёт. И вот уже несколько дней у меня твёрдое ощущение того, что её больше нет, что она ушла, сгорела, иссохла раньше меня, и моё письмо она получит не в этом мире. Но обязательно прочтёт и поймёт. Я верю в неё, и не верю в себя.

Ожидание всегда такая кошмарная вещь, что сумасшествие было бы лучшим исходом в той ситуации, когда то, чего ты ждёшь, слишком далеко, чтобы дожидаться.

Но эгоизм бережёт жизнь до последнего. Долгие мгновения того, чего не может быть...

А в такой ситуации нет и жизни.

В дверь тихо постучали.

Старческими шаркающими шагами я отправился к источнику шума. Было очень тяжело идти, но я как-то заставил себя делать это. Стена была какой-то скользкой и шаталась, пытаясь уронить меня. А дверь никак не могла сфокусироваться в моём взоре. И вот, когда до двери оставалось всего пара шагов, меня охватило тревожное чувство... надежды.

Да, а вдруг это она?

Дверь не была заперта. Я резким движением отворил её.

У порога стояли три человека. Одежды их были до неприметности обычными и тёмными. Неопределённого возраста. Лица неизвестных были слишком холодными и безэмоциональными, но не как у продавщицы в магазине, а как у кукол, которых сотворил талантливейший мастер, пытаясь изобразить равнодушие и многогранность человечности – очертания лиц

постоянно менялись, будто пытаюсь успеть принять облики всех людей, что я когда-то знал. Эта изменчивость обезличивала их. Эту троицу так и хотелось назвать безликими.

Они вошли в квартиру. Сами закрыли дверь. Все трое поочерёдно начали говорить:

– Мы надеемся, ты понял, что мы пришли спросить тебя не о плате за квартиру. Хотя в какой-то небольшой степени это так. Мы пришли спросить с тебя за проживание в этом мире.

– Что ты понял для себя?

– Чего бы ты хотел, чтобы мы для тебя сделали?

Они прошли в мою единственную комнату, как-то не очень деликатно прихватив меня с собой.

Воцарилось молчание, и я понял, что всё-таки должен ответить на эти несурзные вопросы. Такой глупости я вовсе не ожидал.

Мои мысли путались:

– Я только сейчас начал... начал немного понимать суть... суть существования. И я хотел бы, чтобы вы меня... отпустили.

– Ответ неправильный, – сказал один.

Второй пнул меня ногой в живот, а третий кулаком ударил по лицу так, что меня отбросило в угол.

Кровь из носа потекла какая-то странная. Липкая и горькая. То бледно-розовая, то тёмно-красная. Пульсирующими толчками она заливала мою одежду. Боль стала невыносимо острой и одновременно, какой-то чужой. Но почему-то исчез панический страх. Видимо, я быстро привык. К ним.

К этим, явно, не ангелам.

Один из них сказал:

– Не в твоей голове должна была расцветать новыми смыслами суть существования. Почему ты не думал ни о покаянии, ни о прощении? Почему ты боялся признания?

– Я каялся! Я просил! – крикнул я, за что получил ещё один ощутимый удар.

Они говорили поочерёдно, не перебивая, а дополняя друг друга:

– Ты сам-то веришь себе? Тебе дали достаточно времени, чтобы самостоятельно выйти отсюда. Думаешь, где-то наверху судить тебя будут, такого несчастного? Ты – пыль. Но если даже пыль проявит разум, то у неё есть надежда на будущее.

– Ты нужен... был! Когда жил и не терзал жизнь своими падениями.

– Когда вкладывал себя в мир, а не ждал, что мир будет что-то решать за тебя. А теперь что с тобой делать?

– Убейте... – простонал я. – Я всё равно ничего не понимаю...

– Да ты и так мёртв!

– И не нужно тебе ничего понимать!

– Думаешь, мир это так просто: вот оно белое, а вот чёрное? Обычно, такие, как ты, думают, что чёрное не может обойтись без белого, а белое не может существовать без чёрного. Это я тебе как бы на пальцах смысл передаю, понятные человеческие объяснения. А на самом деле, в чёрном есть белое, а в белом – чёрное. Это не разные цвета, это всё одно и то же. Часть неделимого мира, вселенной, основной реальности. В общем, зачем объяснять, если ты видел только две полярности: счастье и горе...

Один из безликих проявил эмоциональность в своей речи, хотя ни в его жестах, ни в его изменчивом облике это не отразилось:

– О! Сколько ещё дебилов, мудаков, долб...ов...

– Покороче давай, – поторопил второй безликий.

– ...предстоит нам увидеть! – первый продолжил мысль. – Ведь с каждым днём их всё больше и больше! Это всё потому, что люди не хотят думать сами, а слушают всё кого-то, кто блудится в мыслях и чувствах. А красоты своей жизни не ценят.

– А ты, в принципе, молодец, – неожиданно один из них вспомнил про меня.

– Нет, – прохрипел я в ответ.

Один непродолжительно рассмеялся лающим, мерзким смехом. На одно мгновение мне показалось, что один из его меняющихся ликов отобразил черты некогда самого близкого мне человека. И её лицо, недолго носимое на физической оболочке незнакомца, было несчастно.

Другой безликий будто подытожил этот короткий разговор, обратившись к тем, с кем пришёл:

– Так мы снова ничего и не узнали. Ладно, нарушений выявлено не было, добивайте. И пошли.

Они начали меня ломать, будто стирая из этой реальности. Спокойно и как бы нехотя. А я больше всего, ну просто очень, очень сильно захотел испариться отсюда, к ней. Я никогда ничего так сильно не хотел в этой жизни...

* * *

Яркий солнечный свет бил в лицо, но я не пускал его в свои глаза. Во рту был медный привкус, но следов боли и крови я не ощущал на своём теле. Как и не ощущал своего тела за небывалой лёгкостью, не знакомой мне в прошлой жизни. Я стоял, прислонившись к какому-то железному материалу.

Мне было спокойно и в темноте, но я решил открыть глаза. Свет из темноты расступился, и я увидел знакомую при счастливой жизни картину.

Городской парк. Зелёные деревья шелестели листвой, как и тем, счастливым летом. Я стоял у железного ограждения, и, как в детском саду, дожидаясь маму, кусал железные прутья, собранные в простой узор.

Только краски были вокруг какие-то выцветшие, и повсюду было очень много яркого света. Будто весь мир светился и радовался. Но я стоял за забором, ограждающим от этого праздника жизни, и был уверен, что за моей спиной находилась густая тьма.

А напротив меня в свете самого яркого солнечного луча стояла она. Смотрела на меня, и, кажется, не верила.

Тут мои чувства проявились в словах, которые я не смог когда-то сказать ей лично:

– Прости меня, пожалуйста. Я испугался... всего... и нашего счастья, и нашей смерти. Ты умерла первой?

Её ответ меня удивил:

– Я не умерла!

Она вплотную приблизилась к ограде, попыталась прикоснуться ко мне, но ни у меня, ни у неё ничего не получилось. Пальцы вязли в решётке, и только её дыхание было ощутимым и будто настоящим.

– Я не умерла! Вот ты...

– Знаю, знаю, прости меня!

– ... ты разбился на этом злосчастном рейсе!!! Этот чёртов самолёт...

От удивления мои слова застряли комом в горле.

– Ты же сказал, что полетишь в Петербург! А сам полетел куда-то на север, почему?! – она разрыдалась, её лицо стало некрасивым, она будто постарела.

– Я... не...

– Ты мне снишься, я знаю, родной. Чудес не бывает... не бывает! Ты мне теперь постоянно снишься... козёл! Зачем?! Что за письма ты мне пишешь, я не понимаю ни слова в них!!!

С ней случилась настоящая истерика. Я никогда не видел её в таком состоянии при жизни. Мне нечего было сказать. Ей есть за что меня винить. И это всё я прекрасно понимал с самого начала.

Тут ко мне пришло чёткое ощущение, что сейчас наша встреча оборвётся навсегда.

– Мне пора... пора уходить...

Мои слова действовали на неё успокаивающе.

Я начал отдаляться от неё. Она закричала мне вслед:

– У нас скоро будет ребёнок, знай это! Я абсолютно здорова, и роды должны пройти успешно! И я оставлю его, слышишь! Оставлю его, как бы тяжело мне не было без тебя! Только не снись мне больше, пожалуйста. Не снись в тех снах, где ты так одинок, будто никогда никого не любил... а то я не смогу, я не вынесу твоей тоски. Я люблю тебя!

А я снова был вынужден зачеркнуть все главные слова к ней. Меня больше не было рядом. Когда-то моё молчание было вынужденным. Сейчас мне просто заткнули рот, не дав сказать самого главного.

Мы слишком часто молчим о том, что хотим сказать. Слишком сильно в нас застряла необходимость молчать. Молчать о том, что должны говорить. Сердце – это всего лишь орган, гоняющий кровь по организму, оно ничего не скажет за нас. Что мы бы не чувствовали. А слова продумывает мозг, коверкает суть. А воспроизводит речь этот самый... речевой аппарат – до чего же это нелепо!

Чтобы сказать что-то важное, стоит забыть обо всём, что формирует звук. Сердце, мозг, язык. Пусть говорят чувства. Если вам повезло, и они у вас есть. Главное, чтобы не было поздно. Всегда обидно опоздать в очереди за счастьем.

Привязанность

(октябрь 2010 г.)

Конечно, полил дождь! Чего ещё ждать от этого мерзопакостного неба, что так долго собиралось с мыслями о воде? Теперь надо искать укрытие. Зато будет меньше людей на улице.

Торопливыми маленькими шагами я перебежал через дорогу, два раза споткнулся, перелез через бордюр и спрятался за водосточную трубу. Вскоре в этой конструкции загремела вода. Стало как-то не по себе.

Тяжёлые капли изредка попадали мне на макушку, прерывая последовательный ход мыслей в голове. Стало совсем скучно. Скорее бы следующий день. Потом следующий год. И потом следующий. Скорее бы...

Мне ведь всё равно, как жить. Лишь бы не увидели. Я даже умею говорить, но к чему это умение, если постоянно приходится молчать? Я, наверное, заколдованный. Не помню уже. Мелкий человекоподобный. Живу тут рядом, в подвале. Сплю в пачке из под сигарет. Я не жалуюсь.

Да, слышал про Дюймовочку. Та ещё скверная девка. Но я не отказался бы от её общества в этот дождливый осенний день. Куда ж деваться, когда все большие, а ты маленький комочек грязи.

Когда вижу на стене этого дома надпись, то думаю, что она про меня. Может, кто-то меня заметил и сделал это послание?

Надпись гласит: «Не улицы грязные, а ты грязный!»

Да, я грязный, весь из отборнейшей грязи. И мыслишки у меня грязненькие. Вот стану большим, буду всем пакостить побольше. Буду во всех... плевать! Или буду подходить сзади, хлопать по плечу и отворачиваться, будто не я это сделал. Или буду ездить в общественном транспорте, и буду всем на ноги наступать. А сейчас я ничего такого не могу. Ну, пытался пару раз людям на автобусной остановке два шнурка вместе завязать, но не простое это дело. Один шнурок развязать попроще, но что человеку? Он его завяжет и дальше пойдёт. А детей вообще боюсь. Когда они играют на площадке, я стараюсь спрятаться где-нибудь в густом кустарнике, пока они не уйдут.

Но греет меня только чувство любви! Да, и грязнульке это чувство подвластно! Мы живём в одном доме. Я в подвале, а она на самой вершине. Высокая, высокая блондинка. Сегодня она должна куда-то пойти в ближайшее время. Я это чувствую. Притаился у водосточной трубы и жду.

Нет, не первый год я здесь обитаю. Зимой холодно, а летом жарко. Хотел бы уйти в другие края, но долго это. Я слышал, что есть страны, где всегда жарко. Но что-то держит... куда я без неё, без любви своей...

Вон по двору машина едет. Старенькая «семёрка». Эх, мог бы я ездить на машине, я бы на большой скорости по лужам бы рассекал. Чтобы прохожие пачкались грязью из под колёс. А я бы ехал и смеялся. Громко слушая шум бумкающий из колонок.

Были бы у меня зубы, как у людей, моё лицо было бы более выразительным. Как-то прошлым летом тут на лавочке выпивали два мужика. Они что-то повздорили, один другому вышиб зуб. Я этот зуб нашёл и попытался приделать себе. Ничего не получилось. Он до сих пор у меня в коробочке из под чая лежит. Там много чего лежит. Деньги даже, например. За много лет жизни я бы мог уже купить себе... торт. Большой, сладкий. Мне бы его надолго хватило.

Денег могло бы быть больше. Но как-то раз дети нашли мой тайник и всё забрали. Но это давно было, я ещё накопил. А дети эти, наверное, уже выросли. А я – нет.

Ещё я раньше собирал пробки железные. Думал, тоже деньги. А это всего лишь пробки. Их так много повсюду валяется. Ну и пускай себе валяются, не буду их больше собирать. Ещё есть пара пуговиц. Просто так лежат. Ну зачем, скажите, мне пуговицы?! Ещё всякие штучки лежат. Бумажки красивые. Но в моих грязных ручках они быстро пачкаются. Я их бережно раскладываю, чтобы рассмотреть. Пока сквозной ветер не подует. И всё улетает. Зачем собирал?

Да, был и курьёзный случай. Она когда-то обронила заколку. Ещё до своего замужества. Забрал эту штучку себе, нюхал. Сладкими волосами пахла. Недолго пахла, но я её долго хранил. Пока вороны её не утащили. Представляешь? Так-то они меня боятся, но в тот момент меня не было дома. В смысле, в подвале. Разве может быть подвал домом? Так-то и мыши меня боятся, даже близко не подходят. Правильно, я всё-таки какой никакой, а человек! Кошки иногда подойдут, понюхают, и дальше пойдут, вальяжно. Этих кошек вообще не поймёшь. То в пыли валяются, то на руках у хозяйек-бабушек сидят, умываются. А собаки на меня смотрят с пониманием. Есть у нас что-то общее.

А так-то нет никому до меня дела.

Зато сейчас выйдет она. В пальто. Погода-то плохая. Я прицеплюсь за подол, и мы пойдём куда-нибудь. За пальто удобнее всего цепляться. И, если повезёт, то дойдём до автобусной остановки или магазина – куда она сегодня пойдёт, я не знаю. Не могу долго её сопровождать в этом прекрасном путешествии, ручки слабые. Повишу немного, да спрыгиваю. Потом долго смотрю вслед.

Лишь бы её мужа рядом не было. Может, сегодня ей сказать что-нибудь? Например: «привет, как дела?»

Ага, а она заорёт и убежит. Нет, лучше уж так, молча. А может, прикинуться её внутренним голосом? У каждого же есть внутренний голос? Забраться к ней на воротник, сказать на ухо: «это не улицы грязные, а ты ГРЯЗНАЯ!»

Или просто попросить её посмотреть под ноги? Ну, не знаю...

Вот она вышла из подъезда, раскрыла зонт. Дождь усилился. Бррр...

Я побежал по лужам к ней навстречу. Весь измок. Схватился за подол пальто. И мы пошли. Попытался забраться повыше, но руки размокли, голова закружилась от быстрого шага...

Я соскользнул, неудачно упал на асфальт, и...

Шмяк...

Она наступила.

Получилась грязь с кровью. Но крови совсем чуть-чуть. Больше грязи.

Она остановилась, вытерла каблук о бордюр и сказала:

– Ух, собаки... гадят, где попало...

Готовность к себе

(ноябрь 2009 г.)

ГОТОВНОСТЬ к себе

Сколько концертов закатывала судьба! Хочешь – верь, хочешь – не верь! Вот выюга за окном и я впустил её в дом – стало жить веселей! Никто не говорит о том, что так не должно быть. Пускай всё размело, замело...

Белая, белая, белая... чистый лист бумаги!

Но нужно идти на станцию, встречать поезд. И я пошёл. Два километра наощупь. Шаги невпопад по давно известной дороге. Но столько радости!

Я увижу друга!

Увидеть после такой разлуки близкого человека всё равно, что глотнуть хорошего вина. Дурманит голову приятная тяжесть и хочется говорить. Куда же без вина в этой ситуации? Я «затарился» заранее, а вот заранее придти на наш полустанок не успел. Выюга, знаете ли.

Он стоял один среди уже осипшей выюги.

Я попытался взглядеться. Осунувшийся, уже практически старый человек. Щетина, хмурый взгляд. Обычная чёрная шапка скрывает под собой короткие седые волосы.

– Ну... здравствуй!

Пришлось выгнать выюгу из дома. Я разжёл огонь в печи.

Да, волосы седые. Но не так, чтобы сильно. Средне. Обычные седые волосы. Обычная жизнь с обычными проблемами, которые иногда казались не решаемыми. Некоторые так и остались не решёнными. Ничего страшного, каждый знает, что ничего не бывает просто так в жизни этой. Может быть, в какой другой, но не в этой. И какое нам вообще дело до других жизней? Мы живём здесь и сейчас, не так ли, дружище?

Какое хорошее, нормальное, не простое, но счастливое детство. Школа, до школы обычный детский сад. Обычно всё. Взрослая жизнь. Всё, как у людей. Может быть, даже лучше.

Что ещё? Неудачный брак? Алкоголизм? Ну, с кем не бывает в наше-то время! Ведь не наркомания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.